

блемы высокого стиля вне тех крайностей, которые были представлены, с одной стороны, Кантемиром и Тредиаковским, а с другой — церковными ораторами 1740-х годов.

Что могло подсказать Ломоносову то решение проблемы, которое он наметил в *Риторике* (1744)?

Какой литературный опыт мог он использовать для решения этой чисто русской проблемы? Ведь ни одна из известных Ломоносову европейских литератур перед такой проблемой не стояла, ни немцы, ни французы, ни итальянцы не сталкивались с существованием в своей культуре двух разных, но в то же время очень близких и очень сходных языков.

Ни Готшед, которого как теоретика Ломоносов внимательно изучал в марбургский период своей жизни, ни другие немецкие теоретики 1730-х годов не могли ему помочь в решении чисто русских проблем, которые поставила перед поэтами особая, только в России существовавшая культурно-языковая ситуация.

Известное свидетельство его интереса к Буало есть в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739), и оно полемично по своему содержанию. Ломоносов повторяет критическое замечание Готшета о неумении французов понять истинную фонетическую структуру своего собственного стиха, его тоническую, а не силлабическую иногда природу: «...понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депрео на сдачу Немура сочинил:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse, etc. (230)

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя удовольствуют» (7, 13).

Как показала Е. Я. Данько, Ломоносов весь этот пример из Буало и его оценку взял буквально у Готшета, с некоторыми, правда, отступлениями³³ Этим примером из Буало, — как образцом тонического стиха, — Ломоносов целил и в Тредиаковского, в его «Оду торжественную о сдаче города Гданска» (1734), начальные строки которой представляют собой перевод первых строк оды Буало «На взятие Намюра», той самой, которую цитирует Ломоносов.

В оде Тредиаковского стихи Буало переведены силлабическим стихом, девятисложником:

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?³⁴

³³ Данько Е. Я. Указ соч. С 268–269

³⁴ Тредиаковский В. К. Избранные произведения М., Л., 1963 С 129